

СТЕПАНОВ Павел Павлович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: pavel@stepanov.law;
<https://orcid.org/0000-0001-7184-9288>

STEPANOV Pavel Pavlovich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

О КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И О ПРАКТИЧЕСКИХ СЛЕДСТВИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ ВИДА

ON THE DESIGN OF CORPUS DELICTI OF CRIMINALLY PUNISHABLE ILLEGAL
ENTREPRENEURSHIP AND THE PRACTICAL IMPLICATIONS OF DETERMINING ITS TYPE

Аннотация. В современной уголовно-правовой доктрине сложилось деление составов преступлений по конструкции на материальные и формальные – в зависимости от наличия в них признаков общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между деянием и последствием. Буквальное толкование диспозиции ст. 171 УК РФ позволило большинству исследователей заключить, что состав такого преступления, как незаконное предпринимательство, относится, согласно данной классификации, к формально-материальным. В меньшинстве остаются те, кто относит состав незаконного предпринимательства к материальным. С одной стороны, буквальное толкование диспозиции препятствует однозначной констатации «материальности» состава незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода. С другой стороны, правоприменительная практика подходит к признаку извлечения крупного дохода именно как к общественно опасному последствию. Учитывая наличие схожего состава в законодательстве об административных правонарушениях, а также наличие проблемы квалификации неоконченного преступления с формальным составом, внешне сугубо доктринальный вопрос о «формальности» либо «материальности» состава незаконного предпринимательства на деле вскрывает целый ряд следствий сугубо практического свойства. Цель: анализ доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с квалификацией уголовно наказуемого и административно наказуемого незаконного предпринимательства. Методы: общенаучные (анализ, синтез, обобщение и сравнение), эмпирические (сравнение, описание, интерпретация), частнонаучные (юридико-догматический и межотраслевой). Результаты: исследование (на

Abstract. In the modern criminal law doctrine, there is a division of corpus delicti into material corpus delicti and formal corpus delicti, depending on the presence in them of signs of socially dangerous consequences and causal relationship between the act and the consequence. The literal interpretation of the disposition of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation allowed most researchers to conclude that corpus delicti of such a crime as illegal entrepreneurship refers, according to this classification, to formal-material corpus delicti. Those who attribute corpus delicti of illegal entrepreneurship to material corpus delicti remain in the minority. On the one hand, the literal interpretation of the disposition prevents an unambiguous statement of the «materiality» of corpus delicti of illegal entrepreneurship on the basis of extracting a large income. On the other hand, law enforcement practice considers the sign of extracting a large income precisely as a socially dangerous consequence. Taking into account the presence of a similar corpus delicti in the legislation on administrative offenses, as well as the existence of the problem of qualifying an incomplete crime of formal corpus delicti, outwardly a purely doctrinal question about «formality» and «materiality» of corpus delicti of illegal entrepreneurship in fact reveals a number of consequences of a purely practical nature. Purpose: to analyze doctrinal and law enforcement problems related to the qualification of criminally punishable and administratively punishable illegal entrepreneurship. Methods: general scientific (analysis, synthesis, generalization and comparison), empirical (comparison, description, interpretation), specific scientific (legal-dogmatic and intersectoral). Results: the study (on the

примерах проблемы разграничения административно наказуемого и уголовно наказуемого незаконного предпринимательства, а также квалификации последнего как неоконченного преступления) показало, что уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за незаконное предпринимательство, применяется к соответствующим общественным отношениям таким образом, что следует констатировать «материальность» конструкции содержащегося в ней состава преступления. Выводы сторонников такой позиции, несмотря на то что они в меньшинстве, продолжают находить практическое подтверждение. Во всех проанализированных уголовных делах суды устанавливали признак извлечения крупного дохода от незаконного предпринимательства таким же образом, как устанавливаются последствия в составах преступлений, «материальность» которых ни у кого не вызывает сомнений.

Ключевые слова: институт уголовного права, участие в преступлении, организованная преступность, экстремистская организация, диверсионное сообщество, международное и зарубежное уголовное право, деглобализация, регионализация

Для цитирования: Степанов П.П. О конструкции состава уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и о практических следствиях определения ее вида / П.П. Степанов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 84–96

examples of the problem of distinguishing between administratively punishable and criminally punishable illegal entrepreneurship, as well as qualifying the latter as an incomplete crime) shows that the criminal law norm providing for liability for illegal entrepreneurship is applied to the relevant social relations in such a way that it is necessary to state the «materiality» of corpus delicti contained therein. The conclusions of the supporters of this position, despite the fact that they are in the minority, continue to find practical confirmation. In all analyzed criminal cases, the courts have established the sign of extracting a large income from illegal entrepreneurship in the same way as the consequences are established in the corpus delicti of crimes, the «materiality» of which no one doubts.

Keywords: illegal entrepreneurship, corpus delicti, formal corpus delicti, material corpus delicti, incomplete crime, unlicensed activity, consequence of the crime, criminogenic dimension

For citation: Stepanov P.P. On the design of corpus delicti of criminally punishable illegal entrepreneurship and the practical implications of determining its type. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 84–96 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.10.

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования выбрана неслучайно и связана с научным наследием В.С. Комиссарова, под руководством которого автору настоящей публикации посчастливилось начинать научную и преподавательскую работу на кафедре уголовного права в МГУ им. М.В. Ломоносова. Несмотря на то что В.С. Комиссаров являлся признанным специалистом в сфере уголовно-правовой борьбы с преступлениями против общественной безопасности, его интерес ими не ограничивался. Оригинальность идей В.С. Комиссарова и нестандартность мышления находили отражение в любой тематике, за которую он брался. Так, его публикации в журналах «Законность» и «Уголовное право» по теме уголовно-правовой квалификации незаконного предпринимательства поднимают целый ряд вопросов о фундаментальном учении о составе преступления, практических аспектах разграничения административно наказуемых и уголовно наказуемых деяний.

В теории уголовного права принято классифицировать составы преступлений по различным основаниям. Одно из оснований деления – наличие или отсутствие среди обязательных признаков состава преступления такого признака, как общественно опасные последствия. Указанное основание, взятое для классификации, делит все составы на формальные, объективная сторона которых выражена лишь деянием (действием или бездействием), и материальные, объективная сторона которых состоит из деяния, общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между деянием и последствием. Эту классификацию принято называть делением составов преступлений «по их конструкции» и описывать, с некоторыми оговорками, их объективную сторону по-разному, в зависимости от отнесения состава к тому или иному виду. При этом такое деление нельзя назвать единодушно признаваемым в доктрине. Возражали против него А.Н. Трайнин [1, с. 87] и Н.Ф. Кузнецова [2, с. 158].

Действительно, преступлений без общественно опасных последствий не бывает, и коль скоро деяние перечислено законодателем среди уголовно наказуемых, значит оно общественно опасно (ст. 14 УК РФ). Поэтому одна из оговорок, которую обычно делают для обоснования такой классификации составов преступлений, состоит в том, что общественно опасные последствия не входят в число обстоятельств, обязательных к доказыванию по уголовному делу о конкретном преступлении, формальный состав которого предусмотрен нормой уголовного закона. Потому они, согласно указанной концепции деления составов преступлений, не являются составной частью юридического основания квалификации деяния в качестве преступления (находятся как бы «за пределами состава» [3, с. 17]).

Критика приведенной классификации связана не только с теми концептуальными допущениями, которые необходимо сделать для обоснования возможности соответствующего деления составов преступлений на материальные и формальные, но и с тем, какие следствия теоретического и практического свойства с ней связаны. Так, Н.Ф. Кузнецова, признавая, что социальный вред от преступления, действительно, не всегда фиксируется в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, сетовала на то, что такой подход неминуемо стирает грань между преступлениями и проступками, малозначительными деяниями [2, с. 183].

Надо сказать, однако, что законодательные способы определения преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ действительно неодинаковы и неоднородны. Основания криминализации возникают в различных исторических и социальных условиях. Поэтому под «крышей» одной статьи могут содержаться разные составы преступлений, они могут быть описаны по-разному. В этой связи стали выделяться и составы преступлений, называемые «формально-материальные». Кроме того, приходится констатировать, что со страниц доктринальных источников [4, с. 60; 5, с. 382], выделяющих формально-материальные составы, этот термин перекочевал и в судебные решения¹. Не-

обходимо также заключить, что «формально-материальный состав преступления» – термин, устоявшийся в российской юридической доктрине [6, с. 16]. Особенностью формально-материальных составов принято считать наличие альтернативных указаний на признаки как материального состава (для констатации наличия которого необходимо наступление общественно опасных последствий), так и формального состава (для констатации наличия которого необходимо лишь указание на то или иное деяние).

ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ПО ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

К числу формально-материальных в современной юридической литературе принято относить и состав уголовно наказуемого незаконного предпринимательства, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Сторонники такого подхода [7, с. 42; 8, с. 310] считают, что та часть диспозиции, которая описывает предпринимательскую деятельность без регистрации или лицензии с причинением крупного ущерба, закрепляет материальный состав, а та часть, которая относится к деятельности без регистрации или лицензии с извлечением крупного дохода, закрепляет формальный состав преступления.

Однако даже если допустить, что законодатель сконструировал в ст. 171 УК РФ формально-материальный состав, то такой ход небезупречен с точки зрения принципов криминализации. Т.Д. Устинова отмечает в этой связи, что нельзя признавать одно и то же деяние преступным, руководствуясь различными критериями, а именно так поступил, с точки зрения автора, законодатель при криминализации незаконного предпринимательства [9, с. 121].

Известно, что одним из прямых следствий отнесения к той или иной группе составов преступлений в зависимости от конструкции является определение момента окончания преступления. Логично, что преступления с формальным составом окончены с момента совершения указанных в законе действий, а преступления с материальным составом – с момента наступления общественно опасных последствий. В этой связи интересно, как определяют момент окончания преступления сторонники отнесения незаконного

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 № 77-1172/2022: «По конструкции объективной стороны квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 318 УК РФ, является формально-материальным, его следует считать оконченным с момента причинения вреда здоровью или с момента применения насилия, опасного для жизни и здоровья».

предпринимательства к формально-материальным составам.

Так, С. Коровинских указывает, что преступление является оконченным либо после того как наступили последствия в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству (материальный состав), либо после извлечения в результате занятия незаконным предпринимательством дохода в крупном размере (формальный состав) [7, с. 42]. И если применительно к признаку причинения крупного ущерба сомнений в том, что этот признак – то самое последствие, необходимое и достаточное для квалификации деяния в качестве преступного, не возникает, то применительно к признаку извлечения крупного дохода единства мнений не наблюдается.

Разные подходы к указанному признаку связаны с тем, что объективная сторона указанного преступления также выражается в осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации (лицензии, аккредитации). С одной стороны, исходя из буквы закона, предпринимательская деятельность направлена на систематическое извлечение прибыли (п. 1 ст. 2 ГК РФ). С другой стороны, законодатель криминализирует не всякую предпринимательскую и, более того, не всякую незаконную предпринимательскую деятельность, а лишь такую, которая позволила лицу, не исполнившему обязанность по регистрации (лицензированию, аккредитации), извлечь крупный доход, размер которого строго установлен в уголовном законе. Иными словами, даже систематическая и направленная на извлечение прибыли хозяйственная деятельность не зарегистрировавшегося лица (не получившего лицензию, аккредитацию) не является уголовно наказуемой, пока не привела к извлечению крупного дохода. Тогда что же это за признак, если не общественно опасное последствие?

Отвечая на подобный вопрос применительно к целому ряду составов преступлений гл. 22 УК РФ, в которых есть указание на признак извлечения крупного дохода, Г.А. Есаков пишет: «он [доход] не является последствием деяния, он скорее его характеризует; относится ли он вместе с тем к характеристике предмета преступления или деяния самого себе, сказать затруднительно» [10, с. 88]. Кроме того, автор проводит аналогию указания

на крупный доход в составах гл. 22 УК РФ с «объективными условиями наказуемости» из немецкого уголовного права, которые находятся вне состава преступления и предопределяют наказуемость поведения наличием соответствующих условий [10, с. 88, 112]. Сам по себе подход представляется интересным, но надо заметить, что Г.А. Есаков не перечисляет указание на извлечение дохода среди иных «юридических признаков состава», к которым относит и иные аналоги «объективных условий наказуемости» [10, с. 108–113]. Таким образом, в его концепции доход, как представляется, более тяготеет к характеристике самого деяния. Хотя, вступая в спор с Н.А. Лопашенко, выразившей мнение о том, что характеристика общественной опасности не меняется в зависимости от ее масштабов, поэтому лишь последствие может выступать в качестве криминообразующего признака, Г.А. Есаков указывает: «Согласиться с этим утверждением затруднительно, поскольку масштаб деятельности, ее размах – это, если угодно, своего рода последствие искажения нормальной экономической деятельности» [10, с. 88].

Сближает размерный признак дохода с условием наказуемости и Л.А. Аистова, которая считает: «...извлечение дохода в крупном размере общественно опасным последствием признано быть не может исходя из сущности предпринимательской деятельности. Извлечение дохода в крупном размере можно рассматривать лишь только в качестве условия привлечения к уголовной ответственности, т. е. в качестве криминообразующего фактора, позволяющего отграничить уголовно наказуемое незаконное предпринимательство от аналогичного правонарушения» [11, с. 38]. При этом последовательной видится позиция автора о недопустимости квалификации как покушения на незаконное предпринимательство ситуации, при которой на момент пресечения незаконной деятельности сумма дохода не превысила криминообразующего размера [11, с. 56].

К формально-материальным составам преступлений относит незаконное предпринимательство и И.А. Клепицкий. Так, он указывает, что его объективная сторона выражается в деянии и, альтернативно, в извлечении крупного дохода (в таком случае состав формальный) или причинении крупного

ущерба (в этом случае состав материальный) [12, с. 690]. Однако автор допускает возможность покушения на преступление в случае, если у виновного имелся прямой конкретизированный умысел на получение дохода в крупном размере, и, напротив, отсутствие возможности такой квалификации в случае неконкретизированного умысла («лицо намерено зарабатывать чем больше, тем лучше») [12, с. 701].

Некоторые авторы комментируют свою позицию о «формальной» конструкции состава незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода таким образом, который скорее свидетельствует о «материальности» конструкции. Например, М.Н. Урда указывает: «доход общественно опасным последствием предпринимательской деятельности не является – это ее результат, причем успешной. В противном случае осуществление предпринимательской деятельности теряет всякий смысл, ведь ее цель – извлечение прибыли» [13, с. 120].

Можно констатировать, что авторы, которые обосновывают «материальность» конструкции состава незаконного предпринимательства, находятся (по крайней мере пока) в меньшинстве. Однако их доводы не являются от этого менее весомыми.

Так, В.С. Комиссаров, разграничивая состав административно наказуемого незаконного предпринимательства (ст. 14.1 КоАП РФ) и уголовно наказуемого незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ), прямо указывал, что и причинение крупного ущерба, и, альтернативно, извлечение дохода в крупном размере являются последствиями осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением ее условий [14, с. 23]. Более того, он отмечал, что именно наличие таких последствий положено законодателем в основу разграничения административного деликта и уголовно наказуемого деяния; отсутствие извлечения соответствующего дохода, находящегося в причинно-следственной связи с незаконной деятельностью, исключает возможность вменения соответствующего состава преступления [14, с. 24].

Разумеется, указанные вопросы имеют и сугубо практическое значение. В первую очередь это связано с вопросом о разграничении оконченных и, при допущении такой воз-

можности, неоконченных уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 171 УК РФ, с административным правонарушением, состоящем в осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), предусмотренным ст. 14.1 КоАП РФ. Деяния как части объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, совпадают с деяниями, предусмотренными ч. 1 и ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ. Единственное, что позволяет их разграничить, это так называемые «размерные» признаки, то есть в том числе и крупный размер извлеченного дохода.

При этом, как было отмечено, некоторые авторы вполне допускают возможность вменения покушения на незаконное предпринимательство в случае, когда размер извлеченного дохода не достиг криминообразующего размера. Такого же мнения придерживаются некоторые суды при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Так, С.И., достоверно зная об отсутствии у Общества, генеральным директором которого он являлся, лицензии на деятельность, связанную с отходами I–IV классов опасности, осуществлял деятельность по скупке у неопределенного круга лиц отработанных фильтров очистки выхлопных газов автомобилей, в которых имеется достаточное содержание драгоценных металлов для их переработки и реализации на аффинажных заводах. Для этого С.И. разместил соответствующую оферту на сайте в сети Интернет. В оферте он указал, что Общество является сертифицированной организацией по утилизации опасных отходов. После этого С.И. посредством телефонной связи заключил договор на поставку предварительно измельченных отработанных фильтров очистки выхлопных газов автотранспортных средств весом 511 кг с ИП в г. Владивосток, стоимость которых намеревался определить при получении, после проведения экспресс-анализа на содержание драгоценных металлов. Реализуя указанный договор, С.И. направил в адрес ИП груз с переработанными фильтрами, однако последний не смог его получить, поскольку груз был задержан правоохранительными органами. Экспертиза определила физико-химический состав изъятых металлов и сплавов, следствием была произведена его оценка, согласно которой стоимость метал-

лов превышала криминообразующий размер. Следствие квалифицировало содеянное как покушение на незаконное предпринимательство, поскольку преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам, то есть по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ. Судом уголовное дело по обвинению С.И. в покушении на незаконное предпринимательство было прекращено по реабилитирующему основанию, подсудимому был назначен судебный штраф².

Встречаются и иные решения в похожих ситуациях. Так, судом установлено, что У. осуществлял предпринимательскую деятельность по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черного металла без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В качестве доказательств совершения правонарушения суд указал, например, объяснения Т., который на протяжении пяти последних лет видел, как У. принимал от населения черный и цветной металл; объяснения Р., которая показала, что У. сам постоянно сдавал черный металл в их пункт сбора металлолома; объяснения С.А., сдавшей металлолом непосредственно перед возбуждением производства по делу и показавшей, что сама лично дважды сдавала металл в пункт, где осуществлял деятельность У. Суд квалифицировал действия У. как административное правонарушение и привлек к ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ, а вышестоящий суд оставил квалификацию без изменения³.

Очевидно, что и в первом, и во втором случае масштаб, размах незаконных действий, достаточный для возникновения публичной ответственности, были констатированы. В обеих ситуациях лица осуществляли предпринимательскую деятельность без лицензии или без регистрации систематически и с целью получения выгоды. Однако различает указанные ситуации то, что в первом случае удалось установить одну, но крупную партию драгоценных металлов и неполученный кон-

кретно от этой партии крупный доход по независящим от виновного обстоятельствам, а во втором – одну большую партию, но установить, извлекло ли лицо или могло ли извлечь крупный доход, видимо, не удалось. Такое правоприменительное понимание крупного дохода сближает его с признаком последствий и отдаляет от понимания его в качестве характеристики деяния, поскольку деяние лицами совершалось примерно одинаковое – сбор металла и его реализация.

В связи с толкованием признака извлечения крупного дохода как широкомасштабности предпринимательских действий интересен следующий и подобные ему примеры.

Решением мирового судьи С. был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, поскольку осуществлял торговлю одеждой и обувью в неустановленном для торговли месте и без постановки на учет в качестве индивидуального предпринимателя. Обжалуя указанное решение, С. указал, что отдавал вещи нуждающимся по ценам ниже рыночных, такие акции носили разовый характер и предпринимательской деятельностью не являлись. Городской суд, рассматривая жалобу виновного на решение мирового судьи, вопреки доводам, в ней изложенным, в ее удовлетворении отказал, поскольку видеозапись правонарушения, протоколом осмотра с фотоматериалом, объяснениями свидетелей подтвердил факт систематичности осуществления предпринимательской деятельности. Отвергая довод жалобы о том, что мировым судьей не установлен факт извлечения дохода, суд второй инстанции указал, что извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом. Отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли. Обстоятельства вменяемого С. административного правонарушения, нашедшие отражение в материалах дела, доказывают факт осуществления им предприни-

² Постановление Химкинского городского суда Московской области от 08.02.2021 по делу № 1-233/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 07.10.2022 по делу № 12-156/2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя⁴.

Надо сказать, что такая практика соответствует позиции, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда от 24 октября 2006 г. № 18⁵, который указал, что само по себе отсутствие прибыли⁶ не влияет на квалификацию, с другой стороны, отдельные случаи продажи товаров (оказания услуг и пр.) не образуют состав правонарушения, предусмотренного ст. 14.1 КоАП РФ, если обстоятельства не свидетельствуют о направленности на систематическое извлечение прибыли. Доказательствами такой направленности могут являться показания лиц, оплативших товары, работу, услуги, расписки в получении денежных средств, выписки из банковских счетов лица, привлекаемого к административной ответственности, акты передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг), если из указанных документов следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг), размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, закупку товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений.

Представляется поэтому, что размах, масштаб осуществления незаконной деятельности, а также факты получения/неполучения денежных средств оцениваются уже при определении систематичности предпринимательской деятельности. Значит, прибыль (которая,

⁴ Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 11.04.2023 по делу № 12-34/2023 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 // Российская газета. 2006. № 250.

⁶ При сопоставлении положений постановления Пленума Верховного Суда РФ, практики применения норм КоАП РФ с положениями УК РФ очевидно терминологическое расхождение: в УК РФ употребляется термин «крупный доход», тогда как в постановлении для целей КоАП РФ – термин «прибыль». Однако думается, учитывая понимание конструкции состава правонарушения ст. 14.1 КоАП РФ как «формальной», что применительно к административным правонарушениям имеется в виду и ситуация, при которой лицо получило экономическую выгоду, и ситуация, при которой оно выгоды не получило ввиду, например, больших расходов, которые минимизировали его доход.

как указал Верховный Суд⁷, не характеризуется в качестве объективного признака административного правонарушения) и ее оценка правоприменителем имеют иное правовое значение.

Исходя из практики привлечения судами лиц к ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ, можно заключить, что правоприменители считают административное правонарушение, ею предусмотренное, сконструированным по типу «формального». К примеру, в постановлении от 15 июня 2007 г. № 17АП-3770/2007-АК по делу № А60-5092/2007-С9 на это прямо указано Семнадцатым арбитражным апелляционным судом: «состав правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, является формальным, т. е. существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении негативных материальных последствий, а в пренебрежительном отношении к исполнению предусмотренных законом обязанностей»⁸.

При рассмотрении дел о соответствующих административных правонарушениях суды требуют для привлечения лица к ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ доказанности совершения конкретных действий виновным. Так, суд счел неправомерным привлечение предпринимателя к ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за оказание услуг без соответствующей лицензии, так как представленные административным органом доказательства, прейскурант цен на услуги, а также объявления, расклеенные в населенном пункте и опубликованные в местной газете, не свидетельствовали о том, что предприниматель фактически оказал кому-либо данные услуги»⁹.

⁷ Надо сказать, что осуществление без лицензии деятельности при отсутствии цели извлечения прибыли должно квалифицироваться по ст. 19.20 КоАП РФ. Однако, в отличие от ст. 14.1 КоАП РФ, деяние, предусмотренное ст. 19.20 КоАП РФ, посягает не на порядок осуществления экономической деятельности, а на порядок управления и относится лишь к деятельности, которая требует разрешения (лицензии) и не носит коммерческого характера (Решение Московского городского суда от 16.12.2015 по делу № 7-13926/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2007 № 17АП-3770/2007-АК по делу № А60-5092/2007-С9 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.06.2007 по делу № А13-11308/2006 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Учитывая изложенное, следует сделать вывод о том, что именно размер извлеченного дохода (альтернативного крупному ущербу) отличает уголовно наказуемое незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) от административно наказуемого (ст. 14.1 КоАП РФ). В деле об административном правонарушении факт извлечения определенного дохода может быть установлен, но не является, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, обязательным к установлению. Наоборот обстоит дело, когда речь идет об уголовно наказуемом деянии, которое должно быть обязательно «сопряжено» с извлечением крупного дохода.

Представляется поэтому, что, несмотря на доктринальные и теоретические споры о конструкции состава уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и использование законодателем не определенного в законе термина «сопряженный», судебная практика склонна воспринимать извлечение крупного дохода в качестве последствия, которое должно состоять в причинно-следственной связи с деятельностью, на которую должна была быть получена лицензия или в связи с которой лицо должно было встать на регистрационный учет в качестве индивидуального предпринимателя или образовать юридическое лицо.

С этой точки зрения легко объяснима позиция, при которой возможна квалификация содеянного как покушение на незаконное предпринимательство в том случае, когда уголовно наказуемый размер пусть и не достигнут, но не достигнут по независящим от лица обстоятельствам при конкретизированном его умысле на крупный размер дохода. И напротив, представляется, что доктринальная позиция, признающая «формальность» конструкции состава преступления незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода и, одновременно с этим, возможность покушения на него, противоречива.

Надо сказать, что в доктрине довольно распространена точка зрения, согласно которой приготовление и покушение исключаются в составах преступлений, где последствия выступают признаком, отграничивающим преступное от непроступного. В этой связи вспоминаются строки Н.Д. Дурманова, который писал, что «стадия покушения обычно отсутствует, когда закон обуславливает уголовную ответственность наступлением определенных последствий или возможностью

их наступления или когда закон связывает уголовную ответственность с определенным количественно выраженным причинением вреда. В этих случаях, если не наступили определенные последствия или если ущерб не выразился в количестве, обозначенном в законе, нет ответственности за покушение. Действие в таком случае находится за пределами уголовного права, оно может влечь дисциплинарную, гражданскую, но не уголовную ответственность» [15, с. 130].

Однако и сам Н.Д. Дурманов, рассуждая о том, что существуют случаи, когда законодатель указывает в качестве признака оконченного преступления определенные фактические обстоятельства, которые сами по себе не определяют конкретную степень вреда, полагал, что в таких случаях покушение на такое преступление возможно. На примере дезертирства он показывал, что хотя фактическое отсутствие военнослужащего продолжалось менее указанного в законе срока, само совершение действий, направленных на длительное уклонение от военной службы, содержит характерные для дезертирства признаки общественной опасности и должно караться как покушение на дезертирство [15, с. 131]. К похожим выводам применительно к незаконному предпринимательству, правда, с позиций дилетантского характера преступления и межотраслевой дифференциации исследуемых составов пришел М.Г. Жилкин [16, с. 85].

ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Представляется, во-первых, что действия лица, осуществляющего деятельность без лицензии или без регистрации, но при этом не получающего от этой деятельности крупного дохода, следует квалифицировать как административно наказуемое незаконное предпринимательство, поскольку такой доход является конструктивным признаком состава преступления, находящимся в причинно-следственной связи с самим деянием. В теории уголовного права признак объективной стороны состава, находящийся в причинно-следственной связи с деянием, называют именно общественно опасным последствием. Во-вторых, квалификация содеянного как покушения на незаконное предпринимательство возмож-

на только при прямом конкретизированном умысле на извлечение конкретно выраженного дохода, размер которого превышает криминообразующий крупный ущерб для ст. 171 УК РФ. Во всех остальных случаях содеянное надлежит квалифицировать, что называется, «по фактически наступившим последствиям» как административно наказуемое незаконное предпринимательство, конструкция которого понимается судами как «формальная». Исходя из этого, следует констатировать, что позиция, которую отстаивал среди прочих В.С. Комиссаров о «материальной» конструкции обоих составов незаконного предпринимательства (и по признаку причинения крупного ущерба, и по признаку извлечения крупного дохода), имеет прочный теоретический фундамент и активно претворяется в жизнь современной правоприменительной практикой.

Однако нельзя не отметить, что еще одним следствием однозначного отнесения состава уголовно наказуемого предпринимательства к материальным является не только необходимость установления наступления последствия в виде извлечения крупного дохода, но и наличие причинно-следственной связи между ним и деянием, которое в законе сформулировано как осуществление предпринимательской деятельности. При рассмотрении уголовных дел неизбежно встает вопрос о том, с какими из множества действий, которые совершило лицо, не получившее соответствующую лицензию или не прошедшее регистрацию, необходимо искать связь.

В.С. Комиссаров настаивал на том, что к деянию в уголовно-правовом смысле для целей применения ст. 171 УК РФ следует относить только то, что можно отнести к предпринимательской деятельности в гражданско-правовом смысле этого слова. Например, он указывал, что геологическое изучение или добычу полезных ископаемых как виды пользования недрами нельзя смешивать с эксплуатацией нефтегазодобывающих производств как видом предпринимательской деятельности; отнесение всяких нарушений в сфере любого лицензирования к признакам незаконного предпринимательства означало бы неосновательное расширение пределов действия нормы об ответственности за данное преступление [17, с. 132]. И поскольку недропользование,

в отличие от нефтедобычи, не являлось, по мнению В.С. Комиссарова, предпринимательской деятельностью, то нарушения, связанные с лицензированием недропользования, нельзя связывать с инкриминируемым крупным доходом организации-недропользователя. Ученый обосновывал указанную идею тем, что раз организация получала прибыль от реализации продукции, то есть товара, ставшего таковым в результате добычи из недр сырья и его последующей переработки, то сама по себе добыча, а уж тем более геологоразведка и прочая «предварительная» деятельность не приводит к образованию какой-либо прибыли и потому находится за пределами деятельности, непосредственно направленной на получение прибыли, и в причинно-следственную связь входить не может [14, с. 22].

Правоприменительные решения, основанные на таком подходе, имеются в судебной практике. Так, А. был обвинен в том, что он, являясь руководителем ООО «Маслодельный завод», не выполняя обязанности по получению лицензии, желая получить доход в особо крупном размере, осуществлял предпринимательскую деятельность без лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасного производственного объекта. Следствие заключило, что в процессе производства молочной продукции ООО «Маслодельный завод» использовало арендованное оборудование, в том числе паровые котлы, предназначенные для выработки насыщенного пара, с таким уровнем рабочего давления, с каким законодатель связывает необходимость получения лицензии. Насыщенный пар был необходим заводу для пастеризации молочной продукции, и без эксплуатации котельной производство данной продукции было невозможным, что было подтверждено в ходе производства по делу. Оправдывая А., суд указал, что предпринимательская деятельность ООО «Маслодельный завод» заключалась в переработке молока, производстве и реализации молочной продукции и была направлена на систематическое получение прибыли от реализации произведенной продукции. Данная деятельность, по мнению суда, лицензируемой не является и осуществлялась на законных основаниях. Деятельность же завода, связанная с эксплуатацией установленных в котельной

паровых котлов с соответствующим рабочим давлением, была направлена на обеспечение технологического процесса производства молочной продукции и не предполагала получение прибыли непосредственно от использования произведенного котлами пара. Как было указано в решении, основания рассматривать данную деятельность в качестве предпринимательской отсутствуют, а поскольку помимо пара технологический процесс производства молочной продукции предполагает использование сырья, а также оборудования, транспорта и т. д., оснований для вывода о том, что указанный доход был получен предприятием только в результате незаконной эксплуатации котельной, не имеется и соответствующих доказательств стороной обвинения не предоставлено. Кроме того, суд указал, что установить доподлинно, какая часть дохода была получена именно от использования пара, невозможно и предварительным следствием не устанавливалась, в ходе заседания этот вопрос также не поднимался. Таким образом, заключил суд, стороной обвинения не доказано наличие причинной связи между эксплуатацией котельной без лицензии и получением дохода в особо крупном размере, тогда как наличие причинной связи между действиями (бездействием) лица и наступившими последствиями является одним из элементов объективной стороны состава преступления¹⁰.

С другой стороны, справедливыми представляются и доводы правоприменителей, положенные ими в основу принятых решений об отказе в возбуждении уголовных дел по ст. 171 УК РФ в связи с эксплуатацией объектов, нуждающейся в лицензировании. Оставляя без изменения решение нижестоящей судебной инстанции об отказе в удовлетворении жалобы А. на решение оперуполномоченного ОЭБиПК МО МВД РФ об отказе в возбуждении уголовного дела, Саратовский областной суд в апелляционном постановлении указал, что привлечение организации к административной ответственности за безлицензионную эксплуатацию опасных производственных объектов не является безусловным основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 171

УК РФ в отношении руководителя такой организации¹¹. Действительно, требуется установить, что такая безлицензионная деятельность была основной для извлечения прибыли и находится в причинно-следственной связи с таким извлечением.

Такой набор обстоятельств был установлен и доказан, например, в следующем деле. По п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ был осужден К.О.И., который, будучи генеральным директором ряда организаций, осуществлял предпринимательскую деятельность, связанную с хранением рыбной продукции. Из материалов дела следует, что в соответствующий период организации осуществляли деятельность по складированию и хранению (соответствующий код ОКВЭД), хранению и складированию замороженных или охлажденных грузов (код ОКВЭД), хранению и складированию прочих грузов (код ОКВЭД). Подконтрольные К.О.И. организации заключали с предприятиями, входящими в союз рыбопромышленников, договоры на хранение рыбопродукции. При этом организации К.О.И., исходя из материалов дела, эксплуатировали аммиачные холодильные установки, работающие под избыточным давлением, с которым законодатель связывает необходимость получения лицензии из-за их класса опасности. Суд отдельно установил, какое именно оборудование использовалось для хранения рыбопродукции контрагентов, и уменьшил инкриминируемый размер за счет вычета тех средств, которые были получены от эксплуатации иного оборудования, лицензирование которого не требовалось. Поскольку одним из доводов защиты К.О.И. был охват содеянного нормами КоАП РФ, а не УК РФ, которые, по мнению защиты, и подлежали применению (ст. 14.1 или ст. 9.1 КоАП РФ, а не ст. 171 УК РФ), суд, признавая подсудимого виновным, указал, что критерием разграничения уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и административно наказуемого незаконного предпринимательства законодателем выбран размер извлеченного виновным дохода, который является объективным показателем, характеризующим объем предпринимательской деятельности,

¹⁰ Приговор Жердевского районного суда Тамбовской области от 16.03.2011 по делу № 1-4/2011 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 27.04.2022 № 22-1073/2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а значит, реальную степень угрозы охраняемым Конституцией РФ и законом ценностям¹².

Более сложными представляются ситуации, которые связаны не с безлицензионным осуществлением конкретных видов деятельности, а с осуществлением без регистрации тех видов деятельности, которые лицензирования не требуют. В таком случае видится, что в причинно-следственную связь с извлечением дохода вступают те деяния, которые непосредственно могут повлечь извлечение такого дохода (направление оферты, отгрузка товара, передача заемных денежных средств под проценты). Однако суды чаще всего в таких ситуациях признают направленной на извлечение дохода всю совокупность действий, совершенных виновным лицом.

Как представляется, необходимо все же дифференцировать действия, которые могут принести крупный доход сами по себе, и действия, которые такой возможности не предоставляют. Кроме того, надо учесть, что большинство таких действий (исходя из природы предпринимательской деятельности) будут, в отрыве от направленности умысла на незаконное предпринимательство, представлять собой вполне законные ее формы (иными словами, те же действия того же субъекта при выполнении им формальных требований по регистрации или лицензированию не являлись бы незаконными). Более того, часть таких действий может быть обращена и в законодательно предусмотренную процессуальную форму (например, в форму исковых заявлений в суд или заявлений о выдаче судебного приказа).

Так, суд установил, что П., обвиняемый в совершении деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, в течение пяти лет, будучи не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, а также не являясь руководителем или учредителем кредитно-финансовой организации, осуществлял профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов гражданам за счет систематически привлекаемых на возвратной и платной основе денежных средств. Для этого П. распространял информацию о своей деятельности, обращался в су-

дебные органы Архангельской области с исковыми заявлениями и заявлениями о выдаче судебных приказов в отношении недобросовестных заемщиков о взыскании основных сумм займов, выплате процентов за пользование предоставленными в заем денежными средствами и неустойки за нарушение сроков возврата займов, а также с заявлениями об индексации присужденных сумм, увеличивая таким образом доходность реализуемой им противоправной деятельности. Однако, осуществляя при изложенных обстоятельствах в указанный период незаконное предпринимательство, извлечь преступный доход на общую сумму, во много раз превышающую криминаобразующий порог, П. не смог по независящим от него обстоятельствам, а именно вследствие уклонения от исполнения данными гражданами принятых на себя денежных обязательств по заключенным договорам займа, а также требований вышеуказанных судебных актов, вынесенных в отношении них. П. полностью признал вину в инкриминируемом деянии, уголовное дело в отношении него было прекращено в связи с назначением ему судебного штрафа¹³.

Представляется очевидным, что аккумуляция денежных средств, распространение информации о возможности займа (реклама) не могут потенциально повлечь извлечение денежных средств (а в крупном размере, необходимом для вменения состава, – тем более), поскольку для этого требуется непосредственная передача денежных средств и, кроме того, возврат процентов, хотя вся эта деятельность была направлена на извлечение дохода в крупном размере.

Таким образом, можно заключить, что в причинно-следственной связи с извлечением крупного дохода находятся те действия виновного, которые, при их совершении с конкретизированным умыслом на извлечение крупного дохода, способны непосредственно повлечь такое извлечение.

В случае если не установлено, что такие действия повлекли извлечение дохода в крупном размере по независящим от лица обстоятельствам, а направленность умысла на полу-

12 Приговор Первомайского районного суда города Мурманска от 28.09.2022 № 1-12/2022(1-288/2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Постановление Северодвинского городского суда Архангельской области от 16.03.2020 по делу № 1-327/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чение крупного дохода, напротив, установлена, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на незаконное предпринимательство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на доминирование в уголовно-правовой доктрине позиции об отнесении состава незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) к формально-материальным, правоприменители при решении ряда конкретных практических вопросов (в частности, при разграничении с соответствующим административным правонарушением и при ква-

лификации преступления как неоконченного) подходят к нему как к материальному составу. Это выражается, в частности, в обязательном установлении связи между конкретными деяниями, совершенными без лицензии или регистрации, и тем доходом, который получило лицо. Такую позицию отстаивали некоторые авторы, в том числе В.С. Комиссаров, и она разрешает целый ряд не только теоретических, но и практических вопросов. Представляется, что она продолжит реализовываться в практике судов при рассмотрении дел об уголовно наказуемом и административно наказуемом незаконном предпринимательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трайнин А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин ; сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 898 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова ; науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – Москва : Городец, 2007. – 336 с.
3. Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 6. – С. 16–28.
4. Толмачев О. Незаконное предпринимательство как альтернативный формально-материальный состав преступлений / О. Толмачев // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 60–61.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 896 с.
6. Федышина П.В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений / П.В. Федышина // Криминалист. – 2015. – № 1. – С. 16–19.
7. Коровинских С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / С. Коровинских // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 42–44.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.
9. Устинова Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.Д. Устинова. – Москва, 2005. – 494 с.
10. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть : монография / Г.А. Есаков. – Москва : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019. – 360 с.
11. Аистова Л.А. Незаконное предпринимательство и смежные составы : учебное пособие / Л.А. Аистова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 124 с.
12. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И.А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2020. – 984 с.
13. Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство : монография / М.Н. Урда ; под науч. ред. Т.Г. Понятовской. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 176 с.

REFERENCES

1. Trainin A.N. Selected works. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 898 p.
2. Kuznetsova N.F.; Kudryavtsev V.N. (ed.). Problems of qualification of crimes. Moscow, Gorodec Publ., 2007. 336 p.
3. Krylova N.E. Material, formal and truncated offenses: the debate with continuation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2017, no. 6, pp. 16–28. (In Russian).
4. Tolmachev O. Illegal entrepreneurship as an alternative formal and material composition of crimes. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 60–61. (In Russian).
5. Esakov G.A. (ed.). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). 11th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 896 p.
6. Fedyshina P.V. Elements of crime related to endangering of a person in the system of crime definitions. *Criminalist*, 2015, no. 1, pp. 16–19. (In Russian).
7. Korovinskikh S. Criminal liability for illegal business. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2000, no. 4, pp. 42–44. (In Russian).
8. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economy: the author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article by article). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 673 p.
9. Ustinova T.D. Actual problems of criminal liability for crimes infringing on entrepreneurial activity. *Doct. Diss. Moscow*, 2005. 494 p.
10. Esakov G.A. Economic criminal law: General part. HSE University Publ., 2019. 360 p.
11. Aistova L.A. Illegal entrepreneurship and related corpus delicti. 2nd ed. Saint Petersburg legal institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Publ., 2005. 124 p.
12. Klepitsky I.A. New economic criminal law. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 984 p.
13. Urda M.N.; Ponyatovskaya T.G. (ed.). Problems of application of the norm establishing responsibility for illegal entrepreneurship. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 176 p.
14. Komissarov V. Not every licensed activity is entrepreneurial. *Zakonnost' = Legality*, 2005, no. 11, pp. 21–24. (In Russian).

14. Комиссаров В. Не всякая лицензируемая деятельность – предпринимательская / В. Комиссаров // Законность. – 2005. – № 11. – С. 21–24.

15. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – Москва : Госюриздат, 1955. – 211 с.

16. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации / М.Г. Жилкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 3. – С. 79–88.

17. Комиссаров В.С. Является ли безлицензионная нефтедобыча незаконным предпринимательством / В.С. Комиссаров // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 130–134.

15. Durmanov N.D. Stages of committing a crime under Soviet criminal law. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 211 p.

16. Zhilkin M.G. Illegal entrepreneurship: issues of intersectoral differentiation and qualification. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2021, no. 3, pp. 79–88. (In Russian).

17. Komissarov V.S. Is unlicensed oil production an illegal business. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 5, pp. 130–134. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанов Павел Павлович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepanov Pavel Pavlovich – Candidate of Sciences (Law), Teaching Assistant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 18.06.2023. The article was submitted 13.05.2023; approved after reviewing 17.06.2023; accepted for publication 18.06.2023.